

Шишков Василий Валерьевич

АНАЛИЗ ПРЕДПОСЫЛОК ФОРМИРОВАНИЯ НЕОИМПЕРСКИХ ЦЕНТРОВ В XXI ВЕКЕ

В статье рассматривается асимметрия суверенитета современных национальных государств, провал имперского проекта США и дисперсия политического влияния, экономического роста, военного потенциала на фоне процесса глобализации, выступающие в качестве предпосылок образования новых центров имперской интегративности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. С. 196-200. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ROLE OF EXTRAORDINARY COMMISSIONS FOR COMBATING DESERTERS (1918-1920)

Marina Stanislavovna Chudakova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History and Philosophy
Yaroslavl' State Medical Academy
marichud@rambler.ru

The author describes the forms of combating deserters under the extraordinary for Soviet Russia conditions of Civil War in Kostroma, Tver' and Yaroslavl' provinces, shows that it conditioned the rigidity and intransigence of the methods used by the extraordinary commissions, and emphasizes the differential nature of the measures taken in relation to deserters.

Key words and phrases: Civil War; extraordinary commissions; involuntary mobilization; amnesty; deserters; white-green; revolutionary tribunals.

УДК 321.01

В статье рассматривается асимметрия суверенитета современных национальных государств, провал имперского проекта США и дисперсия политического влияния, экономического роста, военного потенциала на фоне процесса глобализации, выступающие в качестве предпосылок образования новых центров имперской интегративности.

Ключевые слова и фразы: империя; национальное государство; асимметрия суверенитета; неоимперия; центр и периферия; дисперсия политического влияния.

Василий Валерьевич Шишков, к. полит. н., доцент
Кафедра государственной службы и кадровой политики
Институт государственной службы и управления персоналом
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
fh55@mail.ru

АНАЛИЗ ПРЕДПОСЫЛОК ФОРМИРОВАНИЯ НЕОИМПЕРСКИХ ЦЕНТРОВ В XXI ВЕКЕ[©]

Имперская парадигма предполагает реализацию миростроительного проекта, упорядочение ойкумены согласно идейным представлениям о «лучшей» и «правильной» ее организации. Организация ойкумены – основное содержание отношений между имперским центром и периферией. Имперская миростроительность центра выражается в преобразовании периферии согласно таким представлениям. Воздействие центра на периферию направлено на обеспечение своего господства и подчинения, в связи с чем империю следует рассматривать в качестве крайнего выражения политического начала, претендующего на охват всей ойкумены.

Реальная гетерогенность ойкумены, находящейся под властью империи, подменяется на виртуальную гомогенность в аспекте подчиненности имперскому центру, не исключающей внутренней иерархичности периферий по отношению к центру. Внутренняя дифференциация детерминирована не произволом и алчностью, а степенью солидарности периферийных элементов с центром и единой мерой справедливости для всех [10, с. 287]. Подчиненное положение периферии в империи усугубляется невозможностью выражения собственных политических, хозяйственных, этнических, культурных особенностей в той степени, которая необходима для самостоятельной и полноценной их жизни. Империя включает периферии в орбиту своего доминирования, предлагая взамен самостоятельности безопасность и включенность в систему политических, экономических и культурных взаимодействий на уровне цивилизации.

Империи древности властвовали через подавление локальных общностей, предлагая им универсальное, цивилизационное объединение в масштабе ойкумены, противостоящей варварам на границах, до тех пор, пока имперское перенапряжение не приводило к краху всю имперскую систему.

Колониальные империи, которые распространяли свое владычество по всему миру, используя институциональные, организационные и технические преимущества нации Нового времени, подверглись своеобразному воздействию имперского перенапряжения. Во-первых, модернизированные империи обрекали сами себя на распад, вступив в противостояние за мировое господство между собой, расколов западную цивилизацию, к которой принадлежали. Во-вторых, другим обстоятельством, приведшим к краху империй Нового времени, стал национализм центра и периферий, послуживший причиной разобщенности имперских систем и распада. Третьим обстоятельством стала глобализация, предпосылки которой сложились в эпоху колониализма. Глобализация отменила устаревшие колониальные империи и стала новой формой имперскости для США, создавших свою империю Запада. «Нынешняя империя Запада достигла завершенной универсальности, пронизав своими сетями, охватив инфраструктурой, включив в политические взаимодействия весь

обитаемый мир. У нее нет границ не только интенционально, но и фактически, нет альтернативных центров силы (каким был для Рима Карфаген, а затем Парфия), нет даже внешних варваров, которых можно, уверившись по тем или иным причинам в их принципиальной нецивилизованности, отсесть на китайский манер Стеной — закрыться, окупиться» [Там же, с. 285].

После распада последней «старой великой империи» - СССР [12, с. 634] мир вступил в постбиполярную эпоху. Дж. Грей предлагал концепцию плюралистического политического порядка, основанного на тезисе о том, что различные правовые и политические институты являются желательными и оправданными в различных культурных исторических средах [6, с. 270]. Структурные единицы плюралистского политического порядка и его устройство будут должным образом различаться в зависимости от места, времени и обстоятельств.

Во-первых, в условиях существования жизнеспособной национальной политической культуры, позволяющей, по меньшей мере, частично преодолевать узкую приверженность собственным этносам, подходящей структурной единицей может быть суверенное государство-нация, передающее множество функций на региональный и локальный уровни.

Во-вторых, там, где наличествует общность культурной традиции и экономического развития, могут возникнуть наднациональные объединения суверенных государств (при этом Европейский союз считается утопичным из-за отсутствия в обозримом или даже воображаемом будущем общеевропейской политической культуры).

В-третьих, там, где приверженность этносу оказывается сильнее, чем поверхностная или искаженная культура государства-нации, и где внутритерриториальная юрисдикция системы правового плюрализма неприемлема для народов, в чьих взаимоотношениях царит подозрительность или вражда, как в бывшей Югославии, — там построению суверенных государств на этнической основе не может быть альтернативы.

И, в-четвертых, в некоторых случаях, например, в условиях Российской Федерации, как минимум, вероятно, что человеческие издержки — цена жестокости войны и ужасов «этнических чисток» — построения суверенных государств-наций на территориях с давно перемешанным населением, никогда не образовавшим наций, могут быть столь велики и ужасающи, что для их предотвращения потребуются установить неоперский режим, способный, в духе Гоббса, поддерживать мир [Там же, с. 271-272].

Таким образом, следуя концепции Дж. Грея, необходимо учитывать, что возникновение новых империй не является чем-то исключительным для современного мира, который становится все менее упорядоченным и погруженным в хаос.

Национализм в модернизируемых обществах стал основной причиной упадка империй. При американской гегемонии карта мира была перекроена с учетом требований национального самоопределения. В общем и целом эта новая карта отражала наследие западного колониализма и империализма, включая культурную гегемонию, которая побудила незападные элиты к тому, чтобы требовать для себя более или менее жизнеспособные «национальные государства», берущие за образец политическую организацию их бывших имперских метрополий [4, с. 14].

В современную эпоху на национальном уровне стоит задача формирования эффективной государственной политики, которая решительно поддерживала бы стремление быть конкурентоспособными в глобальном масштабе [16, с. 48]. Парадоксальность такой задачи определяет перспективы развития национальной государственности.

Национальное государство стало в XX в. основной политической формой организации общества по всему миру, но распространение этой политической формы недостаточно укоренилось. Современный этап глобализации оказал разрушительное воздействие на институциональные основы большинства современных национальных государств, поставив под сомнение их способность выступать эффективными носителями суверенитета. Национальное государство сохраняет свое институциональное положение в международных отношениях, но его развитие в условиях глобализации сопровождается институциональными и статусными уступками (структурам гражданского общества, новым субъектам международных отношений), объем которых определится процессом адаптации внутренних свойств государства и его адекватностью изменениям внешней среды. И со временем национальное государство не исчезнет бесследно, на его место придет другое — оно эволюционирует в новую форму политической организации общества, отвечающей конструкции глобального политического порядка [5, с. 122].

Процессы глобализации, приводящие к усилению интенсивности и глубины взаимодействия различных государств, экономик, культур, оказывают одно из определяющих влияний на современные политико-административные преобразования. Под воздействием преобразований и успехов этих преобразований в развитых странах мира большое количество государств в конце XX — начале XXI в. начало проводить изменения, направленные на повышение эффективности государства. Идеи и концепции эффективности государственного управления становятся межнациональными и наднациональными, приводя к формированию международных критериев эффективности, что рождает запрос и требования к политико-административным преобразованиям соответствовать этим критериям, в первую очередь, обеспечивая эффективное взаимодействие государства и общества [7, с. 35].

Тем не менее, Ю. В. Шишков, рассмотрев показатели современных регулирующих способностей государства, приходит к выводу о том, что оно не справляется со своей ролью политического регулятора экономических и социальных отношений внутри страны [21, с. 43]. Глобализация и связанные с ней процессы ставят вопрос о состоятельности государств. Укажем, что данный вывод не применим равно ко всем государствам.

Различная способность современных государств достичь эффективности в политическом управлении и тем самым обеспечить реальность своего суверенитета порождает асимметрию системы суверенитета.

Содержание современной асимметрии суверенитета составляет то, что многие формально признанные государства не в состоянии выполнять свои функции. Анализ происходящих в них процессов показывает, что они, в силу тех или иных экзогенных и эндогенных факторов, вряд ли смогут добиться этого и в будущем. Несмотря на принцип территориальной целостности, на территориях *de jure* государств появляются иные политические единицы, демонстрирующие в ряде случаев эффективность и жизнеспособность (кантоны, регионы, движения, «самопровозглашенные территории» и т.д.). Продолжается процесс политизации этничности, территориально «не совпадающей» с существующими границами [14, с. 8].

М. В. Ильин доказывает, что объективно складывающаяся асимметрия мирового суверенитета предопределяет структурное неравенство государств и позволяет сформировать структурную и функциональную специализацию отдельных ячеек в сфере производства, обмена и потребления общественных благ. При этом сама по себе структурная асимметрия не чревата неблагополучием. Одни ячейки выступают в роли поставщиков таких благ (безопасность, законность, политическая свобода, возможности экономики, образования, здравоохранение, инфраструктура, условия для развития гражданской активности и др.), другие — их потребителей, третьи — участников обмена. Благополучие возникает в результате асимметрии второго порядка, которую можно условно назвать функциональной: некоторые масштабные ячейки не обеспечивают достаточный приток общественных благ требуемого типа и качества, многие малые не в состоянии их воспринимать. Наконец, существуют и ячейки, которые создают помехи в циркуляции общественных благ. Все это порождает неблагополучие как отдельных ячеек, так и всей системы мирового суверенитета, формирует и поддерживает зоны проблемной государственности [8, с. 21-24].

При таком видении асимметрии суверенитета очевидно зависимое положение одних «ячеек» - потребителей социально-политических и иных благ от их поставщиков. Функциональная асимметрия усугубляет неравенство и зависимость одних структурных единиц мирового порядка от других. В современном мире происходит поиск реальных форм суверенитета.

Е. Пономарева, вслед за Х. Хольмом и Г. Соренсеном, предлагает различать три измерения суверенитета: негативный (юридический, или формальный, аспект государственного суверенитета), позитивный (способность государства полностью распоряжаться собой, будучи не только полностью не зависимым от своего окружения, но и обладая возможностями обеспечивать гражданам достойные условия существования), операционный суверенитет (определяемый, исходя из контекста неравномерной глобализации, вынуждающей государства уступать часть своего права на свободу действий в обмен на участие в принятии важных коллегиальных решений).

Три типа суверенитета формируют три кластера государств. Большинство стран мира подпадает под категорию «предсовременное государство», так как обладает негативным, формальным суверенитетом, а его позитивный суверенитет в значительной степени ограничен. Категория «современное государство» в большей степени отвечает традиционным представлениям о национальном суверенитете как о политико-территориальном идеале. Постсовременное государство - феномен эпохи глобализации. Постсовременное государство допускает вмешательство извне, прежде всего потому, что оно получает нечто взамен, а именно: влияние/власть на субнациональном уровне [18, с. 97-98]. Вместе с тем автор указывает на сущность глобализации - макрорегионализацию мира, что позволяет указывать на то, что постсовременное государство получает возможность властвовать и на наднациональном уровне, т.е. само выступает субъектом вмешательства в суверенные права других государств.

В условиях глобализации национальные государства подразделяются на две группы. Одни государства, их меньшинство, оказываются в состоянии защитить свои суверенные привилегии, другие теряют суверенитет под давлением глобализационных процессов и собственной институциональной несостоятельности. Крайним выражением утраты суверенитета выступают «несостоявшиеся государства» (*failed state*) - территории, которые признаны в качестве государств, но, в силу различных факторов, либо на всей территории этих государств, либо на части их территории отсутствуют какие-либо образования, способные выполнять государственные функции (в частности, по обеспечению порядка и безопасности) [15, с. 127].

Государства, отнесенные к первой группе, могут рассматриваться в качестве латентных имперских центров, находящихся в окружении государств-неудачников, суверенитет которых подвергся глобализационной коррозии в большей степени, составляющих теперь возможную периферию первых.

На фоне глобализационных процессов, влияющих на суверенность государств, выделяется группа, сохранившая свою государственность в неприкосновенности и обладающая возможностями политического влияния. Анализ, предпринятый авторами проекта «Политический атлас современности», показывает, что потенциал международного влияния (как и реальное влияние) связан, прежде всего, с уровнем государственности [17, с. 167]. Это типологическая характеристика «стран влияния», хотя, конечно, есть и страны с высоким уровнем государственности, но не обладающие существенным потенциалом международного влияния. При этом принадлежность к группе «стран влияния» достаточно трудно соотнести как с характерными их качеством жизни, так и с типом их политического устройства: среди них и демократии, и автократии. Таким образом, «полус» стран со значительным потенциалом международного влияния — это совершенно особый и малочисленный кластер стран, которые во многих других отношениях отличны друг от друга. Очевидно, что международное влияние — отнюдь не главный из приоритетов для множества (на самом деле — большинства!) государств [9, с. 35].

Ранжирование 192 государств по 13 параметрам [17, с. 110-138] позволяет увидеть неравенство возможностей международного влияния. Лидером являются США, за которыми следует группа государств, претендующих на влияние в глобальном масштабе, – Китай, Япония, ведущие государства Европы (Германия, Франция, Великобритания), Россия, Индия. Затем государства региональные или отраслевые лидеры (например, финансового, политического и/или идеологического влияния): Саудовская Аравия, КНДР, Турция, Республика Корея, Бразилия, Пакистан, Иран, Мексика, Египет, Индонезия и др.

Результаты анализа могут быть интерпретированы в качестве демонстрации дисперсии политического влияния среди немногих государств-центров современного мира. Государства-лидеры международного влияния, с учетом их цивилизационной принадлежности, могут рассматриваться в качестве латентных центров региональных империй эпохи современной глобализации.

Проблема перспектив восстановления имперскости в современном мире была бы лишена смысла, если бы глобальной гегемонии США сопутствовал успех, но классическое имперское перенапряжение наступило «непоследовательную империю» [22] гораздо раньше, чем предполагала ее политическая элита.

По мнению П. Андерсона, США не справлялись с ролью имперского центра, для чего было необходимо использовать не только элемент вертикальных сил – средства ведения войны и экономические инструменты, которые понуждают действовать подчиненных определенным образом, но и элементы привлекательности и имитации — имперский центр должен предлагать определенную модель цивилизации и образа жизни, которые были бы привлекательны для подчиненных народов и территорий [3, с. 114].

Для Соединенных Штатов глобальный имперский проект означал суверенитет древнеримского образца и его трансформацию в традиционный американский федерализм; талассократический элемент финикийского образца с наслоениями колониального периода, с оправданием неэквивалентности обмена мессианистской демагогией на базе мифа о народе США как «богоизбранном народе»; остаточные явления технологии империализма в виде экономического империализма; институт справедливой войны с варварами древнеримского образца [1, с. 22].

Политическая элита Американской империи предлагала ее в качестве новой Римской империи, воссозданной на основе глобализации и контроля над основными экономическими ресурсами, предлагая миру идеологию либеральной демократии без возложения на себя ответственности за его безопасность и развитие. Самые вменяемые теоретики американского империализма, – отмечал П. Андерсон, – вполне отдавая себе отчет в том, что превосходство и всемирная либеральная цивилизация не являются логически взаимозависимыми явлениями, спокойно и недвусмысленно предсказывают исчезновение первого, как только оно выполнит свою миссию по обеспечению второго [2, с. 15]. В роли глобальной гегемонии США оказались еще и «эгоистичной империей».

Американская империя использовала доминирующее положение в глобальной экономике для привлечения инвестиций в американские ценные бумаги странами, накапливающими валютные резервы (Китай), и в нефтяные фонды (страны Персидского залива), проводя политику низких процентных ставок, что привело к избытку ликвидности в экономике США – основной макроэкономической причине глобального финансового кризиса 2008 г. [11, с. 9].

Американская империя отказалась от реального участия в преобразовании международных институтов, призванных согласовывать интересы государств, и разрешения наиболее острых вооруженных конфликтов, предпочитая ограничиться псевдолиберальной риторикой. Хотя либерализм использует гораздо более сильные военные и экономические ресурсы, противоречия между идеалистической программой транснациональных активистов и геополитической программой гегемонистского американского государства ограничивают сближение, которого можно достичь между материальной властью и демократической идеологией [19, с. 135].

Американская империя в малой степени оказалась способной обрести новую институционализацию и сформировать свою новую периферию уже в качестве глобальной империи. В конце концов, она была в слабой степени способной установить контроль даже в регионе Персидского залива, где сосредоточены запасы углеводородного сырья, что позволяло бы ей регулировать мировой экономический рост.

Неспособность устанавливать стабильные отношения в регионах, представляющих значение для своих интересов, Американская империя заменит хаосом «беспольного мира» [20], очертания которого и похожи, и разнятся с моделью плюралистического мира Дж. Грея.

С одной стороны, действительно оказалось невозможным создание единой политической иерархии, возглавляемой Американской империей, в этом плане мир оказался плюралистическим. С другой стороны, большинство национальных государств оказалось не способно достигнуть западноевропейского уровня институционализации и суверенности, чтобы выступать политическими единицами миропорядка. В современном мире «необходим более высокий уровень управления социальными процессами, как на национальном, так и на глобальном уровне» [13, с. 115], в условиях, когда проект глобальной гегемонии оказался несостоятелен и суверенитет национальных государств не выдерживает размывающего влияния глобализации.

Рассматривая перспективы американского империализма, Дж. Снайдер предполагал, что его неуспех в условиях глобализации может привести к тому, что одни соперники и полупериферии, вроде Китая, могут сократить разрыв в относительном влиянии, успешно воспроизводя и осваивая нововведения, тогда как другим может не хватить институциональных или культурных возможностей для этого. В последнем случае стабильность гегемонистского порядка может быть нарушена, так как неспособность освоения западной, светской, либеральной модели нациестроительства может привести к тому, что события начнут развиваться в двух направлениях, которые трудно назвать благоприятными.

С одной стороны, как в более сплоченных исламских государствах, нацистроители могут обращаться к местным религиозным традициям, отвергающим попытки либеральной гегемонии укрепить их государство и мобилизовать их население для более успешной конкуренции в мире, требующей невероятно напряженных усилий. В нефтедобывающих странах, вроде Ирана и Ирака, религиозные националисты располагают серьезными ресурсами для развития этого контргегемонистского проекта. С другой стороны, менее сплоченные государства периферии могут стать репрессивными и превратиться в рассадники терроризма, как Саудовская Аравия и Египет, или вовсе пасть под давлением международной военной и экономической конкуренции, создав анархические болота [19, с. 128].

Таким образом, проявление новых центров имперской интегративности обуславливается, во-первых, самым ходом глобализации, требующей наднациональных структур управления политическими, экономическими и социальными процессами, а, следовательно, и властвования.

Во-вторых, неудачей глобального имперского проекта США как всеобщей империи Запада, вызванной этим дестабилизацией и анархизацией мирового порядка, его бесполностью.

В-третьих, несостоятельностью большинства национальных государств, возникших в постколониальную эпоху и после распада СССР, их неспособностью воспроизвести институциональную модель *national state* в той мере, чтобы стать суверенными участниками политики в эпоху глобализации.

В-четвертых, дисперсией политического влияния, экономического роста, военного потенциала и культурного влияния среди немногих центров в современном мире, которые, с учетом их цивилизационной принадлежности, выступают латентными центрами региональных империй эпохи современной глобализации.

Список литературы

1. **Аваков Ю. С.** Глобальный имперский проект: политико-правовой анализ институционального транзита: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 25 с.
2. **Андерсон П.** Заметки о текущем моменте // Прогнозис. 2008. № 1 (13). С. 9-38.
3. **Андерсон П.** Политика в эпоху империй // Прогнозис. 2006. № 4 (8). С. 113-117.
4. **Арриги Дж.** Глобальное правление и гегемония в современной миросистеме // Прогнозис. 2008. № 3 (15). С. 3-17.
5. **Блинов А. С.** Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка. М.: МАКС-Пресс, 2003. 149 с.
6. **Грей Дж.** Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. М.: Практикс, 2003. 368 с.
7. **Евстифеев Р. В.** Политико-административные преобразования в контексте глобальных вызовов: отечественный и зарубежный опыт, проблемы и тенденции развития: автореф. дисс. ... докт. полит. наук. М., 2011. 49 с.
8. **Ильин М. В.** Структурные параметры неблагоприятия государств // Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности / под ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой. М.: МГИМО-Университет, 2011. С. 20-47.
9. **Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю., Мельвиль А. Ю.** Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис. 2010. № 3. С. 26-39.
10. **Каспэ С. И.** Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2008. 320 с.
11. **Кудрин А.** Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 9-27.
12. **Ливен Д.** Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 688 с.
13. **Лукашук И. И.** Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 115-128.
14. **Мировая политика: взгляд из будущего: материалы V Конвента РАМИ** / под общ. ред. А. В. Торкунова; ред. тома И. В. Кудряшова. М.: МГИМО, 2009. Т. 18. Асимметрия мирового суверенитета: зоны проблемной государственности. 114 с.
15. **Орбелян А. С.** Некоторые вопросы применения вооруженной силы в связи с феноменом несостоявшихся государств // Материалы V Конвента РАМИ. М.: МГИМО-Университет, 2009. Т. 25. Международное право в XXI веке. С. 125-132.
16. **Печурова А.** Политическое лидерство в условиях глобализации: взгляд американских политологов // Власть. 2008. № 11. С. 47-50.
17. **Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств.** М.: МГИМО-Университет, 2007. 272 с.
18. **Пономарева Е. Г.** Суверенитет в условиях глобализации: понятийная категория и политическая практика // Свободная мысль. 2007. № 11. С. 95-110.
19. **Снайдер Д.** Мифы империи и стратегии гегемонии // Прогнозис. 2006. № 4. С. 118-135.
20. **Хаас Р.** Эпоха беспоплярного мира // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. С. 34-47.
21. **Шишков Ю. В.** Национальное государство: становление, развитие, закат. Что дальше? М.: ИМЭМО РАН, 2011. 67 с.
22. **Mann M.** Incoherent Empire. London: Verso, 2005. 278 p.

ANALYSIS OF NEO-IMPERIAL CENTRES FORMATION PREREQUISITES IN THE XXIST CENTURY

Vasilii Valer'evich Shishkov, Ph. D. in Political Science, Associate Professor
 Department of Civil Service and Personnel Policy
 Institute of Civil Service and Personnel Management
 Russian Academy of National Economy and State Service under the RF President
 fh55@mail.ru

The author considers the asymmetry of modern national states sovereignty, the failure of the USA imperial project and the dispersion of political influence, economic growth, military potential against the background of globalization process, acting as the prerequisites for the formation of imperial integrity new centres.

Key words and phrases: empire; national state; sovereignty asymmetry; neo-empire; centre and periphery; political influence dispersion.